

Н. С. ЛЕОНОВ

Лихолетье

<Фрагмент>

Переход на информационно-аналитическую работу

В 1971 году в моей службе произошел крутой поворот. Мне было сделано предложение стать заместителем начальника информационно-аналитического управления разведки. Еще через два года я стал начальником этого управления. По традиционно бытовавшей в разведке в те времена оценке такое назначение представлялось крайне неудачным. С военных и послевоенных лет высшим пилотажем в разведке считалось приобрести хорошего агента-документальщика (того, кто добывает подлинные документы политического и научно-технического характера), получать от него пачки материалов или микрофильмы и направлять их без обработки прямо в ЦК партии или в заинтересованные ведомства. До поры до времени в разведке вообще не ощущали необходимости иметь информационное подразделение. До 1943 года обходились без него, из добытых документов отбирали наиболее интересные, по мнению начальства, и направляли «в живом виде» Сталину, Молотову и другим иерархам ведомств.

К концу войны, однако, поток добываемых разведывательных материалов резко вырос, победы советского оружия делали явной скорую перспективу превращения СССР в великую мировую державу с многочисленными обязательствами и широким спектром интересов. Потребовалось создать подразделение, которое бы фильтровало поток информации по ее значимости и качеству, вело систематическое накопление добытых данных и занималось анализом всей собранной документации. Сотрудники этого подразделения поначалу совсем не ездили за рубеж, проводили рабочее время в режиме кабинетного затворничества, что не соответствовало традиционным представлениям о разведчике. На работу туда принимали людей с небольшими физическими дефектами.

Даже — о Боже! — в порядке исключения допускалось использование на офицерских должностях женщин.

Подавляющее большинство руководящего состава разведки относилось к информационной работе пренебрежительно. Рейтинг управления стоял на невысоком уровне. На работу в управление не шли по доброй воле, чаще всего туда попадали либо проштрафившиеся, либо не состоявшиеся как «полевые» разведчики. Немногие из сотрудников управления бывали в долгосрочных командировках и имели личный опыт работы «в поле». В отличие от других подразделений разведки, в информационном управлении был большой процент женского персонала, преимущественно вольнонаемного, и это существенно усложняло процесс управления. В 1971 году руководство управления раздирали внутренние разногласия, что отражалось и на остальном коллективе.

Переход из географического оперативного отдела в управление информации был равносильен переводу из столичного гвардейского полка в провинциальный захолустный гарнизон.

Но все-таки эта неприглядная картина скорее отражала печальное наследие прошлого, чем объективную бесперспективность информационной линии в работе разведки.

С приходом в 1967 году на пост председателя КГБ Ю. В. Андропова медленно, но неуклонно работа разведки становилась более интеллектуальной, более осмысленной. Образно говоря, на место прежних поисков только самородков золота приходила технология горно-обогатительных фабрик, которые готовили концентраты высокой чистоты. К этому толкали и объективные факторы. Если в годы войны и в первые послевоенные годы советская разведка приобрела широкую агентуру исключительно ценного качества в решающих звеньях государственных аппаратов благодаря высокому авторитету СССР, завоеванному всем советским народом в годы борьбы с фашизмом, то с началом «холодной войны» приток новых источников стал замедляться. Психологическая обработка населения западных стран, волны шпиономании, сменявшие одна другую, делали свое дело. Условия для работы разведки в западных государствах становились все сложнее. Советские посольства и представительства накрывались своеобразным колпаком. Спецслужбы, контрразведки наращивали свои силы, расширяли масштабы использования технических средств против разведки СССР. Полностью парализовать работу разведки, разумеется, они не могли, но им удалось снизить коэффициент ее полезного действия. Золотых жил стало поменьше.

Для компенсации потерь разведка постоянно стремилась к расширению фронта работы. Школа разведки увеличивала число

подготавливаемых специалистов. Создавались новые прикрытия в торгпредствах, моргентствах, корреспондентских пунктах и т. д. В какой-то мере этот процесс можно понимать как стремление компенсировать качество количеством. Хотя справедливости ради следует подчеркнуть, что до самого последнего момента существования СССР разведка располагала высококласными источниками информации по важнейшим направлениям политики, науки и техники.

Расширение фронта работ разведки диктовалось и расширением задач, которые возникали перед ней в результате самого развития мира. Могучие тектонические процессы, разрушившие старые колониальные империи и приведшие к созданию «третьего мира» в виде многих десятков новых независимых государств, потребовали создания новых подразделений разведки. Резидентуры создавались в таких городах, где прежде их никогда не было.

Возникали проблемы, которые просто невозможно было решить с помощью какого-либо одного «источника», независимо от его ценности. Эти проблемы надо было осмысливать, анализировать. Так, на долгие годы на Дальнем Востоке появился фактор враждебности Китая, ставший предметом особых политических и военных забот для нашего государства. Эта враждебность явилась результатом действия целого пучка причин, часть которых находилась в Китае, а часть — может быть, большая — у нас, в Кремле. Наконец-то пришло понимание того, что в социалистических странах Восточной Европы (Польше, ГДР, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии) развитие по предписанному им пути двигалось сложно, натывалось на массу препятствий объективного и субъективного порядка.

События в Венгрии в 1956 году или в Чехословакии в 1968–1969 годах так и не подверглись серьезному критическому анализу в советских директивных кругах. Ограничились теми политическими оценками, которые были призваны сыграть пропагандистскую роль, но никак не ориентировали тогдашних лидеров на поиск причин болезни и подбор подходящих лекарств против нее.

Приход Ю. В. Андропова в КГБ приоткрыл дверь для свежего воздуха. Действия всех звеньев КГБ — а разведка была одним из них — из сплошных профессионально-технических манипуляций по выполнению указаний сверху превращались в политически осмысленную систему. Приходило понимание смысла и направленности всей работы. Вспоминалось старое правило русского полководца А. В. Суворова: «Каждый солдат должен понимать свой маневр».

Андропов очень уважительно относился к информационно-аналитической работе, с большой заинтересованностью и непод-

дельным вниманием выслушивал личные доклады начальника разведки, руководителей управления анализа и прогноза, мог изменить или даже полностью отказаться от своих взглядов на тот или иной вопрос под воздействием информации и аналитических выкладок. Это было неслыханно в те времена, когда члены политбюро считались непогрешимыми, равными статусу папы римского. В его кабинете нередко бывали доктора наук Г. А. Арбатов, Н. Н. Яковлев и др.¹ Человек с ученой степенью не вызывал у него аллергии, как это было в прежние времена в Комитете госбезопасности. Кстати, до прихода Андропова в разведке отношение к ученым было также более чем прохладное.

Одним словом, к началу 70-х годов сложилась обстановка, которая потребовала радикального изменения постановки дела с информационно-аналитической работой в разведке. Не исключаю, что в моем назначении в 1973 году на пост начальника управления сыграли роль и формальный факт получения мной степени доктора исторических наук за свою работу по истории Центральной Америки, и относительная молодость» — мне минуло 44 года.

Давая согласие на переход на новую работу, я прежде всего исходил из понимания важности этого участка работы, сознания необходимости его реформирования с целью усиления влияния разведки на выработку государственной политики. Привлекала и мысль о возможности взглянуть пошире на всю панораму всемирной схватки между капиталистической и социалистической системами через подзорную трубу разведывательной информации. Работа в любой резидентуре, даже с несколькими источниками, не дает такой возможности. Там видишь мировую панораму как бы сквозь смотровую щель танка. Пресса же частенько искажает картину событий, выкрашенную в пропагандистский колер политической заданности.

Важно, что, работая в информационно-аналитическом управлении, получаешь секретные и конфиденциальные материалы западных дипломатов, политиков, военных, посвященные Советскому Союзу, имеешь возможность знакомиться с их оценками положения у нас, прогнозами и предложениями, с которыми они обращаются к своим правительствам. Обретаешь таким образом возможность видеть свою собственную страну в перекрестке двух лучей — собственного опыта и знаний о нас западников.

К этому времени разведка переехала в красивый новый комплекс на окраине Москвы. Вместо скученности, когда разведке приходилось ютиться в старом здании на Лубянской площади, теперь в ее распоряжении был просторный, удобный комплекс зданий, где непривычно вольготно разместился персонал развед-

ки. Изысканная планировка, наличие обслуживающих структур (спортивный, медицинский центры, залы для конференций и кино), лесопарковое окружение и даже декоративный водоем перед главным зданием с немедленно поселившимися в нем стаями диких уток — все располагало к хорошему душевному настрою, к качественному сдвигу в отношении к работе.

Кстати, чтобы подчеркнуть свой первоочередной интерес к информационно-аналитической стороне работы разведки, Ю. В. Андропов разместил свой собственный кабинет в здании, рядом с управлением. Двери председательского кабинета и кабинета начальника управления разделялись только коридором. Довольно часто Андропов покидал свою штаб-квартиру на Лубянке и приезжал в разведку, где обстоятельно обсуждал заранее намеченные вопросы. Мне как начальнику информационно-аналитического управления нередко приходилось принимать участие в совещаниях в его кабинете. Скоро я убедился, что приглашения на совещания носили непротокольный характер, каждый участник был обязан высказать свои соображения по обсуждаемому вопросу. Если выступавший начинал уныло повторять общеизвестные позиции, то Андропов мог грубовато-властно прервать его: «Если нечего сказать, то помолчи!» Но очень заинтересованно мог слушать вне всякого регламента тех, кто со знанием дела докладывал о проблеме да к тому же предлагал нестандартное решение. Для меня первым боевым крещением в этом кабинете был, пожалуй, разговор об отношении к правительству Сальвадора Альенде², возникший весной 1973 года, когда тучи сгустились над правительством народного единства в этой далекой латиноамериканской стране.

Тогда Андропов спросил мнение разведки о целесообразности оказания финансовой помощи правительству Альенде, которое срочно изыскивало средства для приобретения товаров по импорту. Свободных валютных резервов у СССР уже не было, всякие собственные экстраординарные расходы покрывались с огромным трудом, а речь шла о выделении для Чили 30 млн. долларов. Деловое обсуждение всех аспектов внутри- и внешнеполитического положения в Чили привело к выводу, что правительство Альенде не имеет рычагов и воли изменить основные тенденции, действовавшие в стране и разрушавшие мало-помалу его социальный базис. При сохранении же этих тенденций судьба правительства обречена и его поражение — лишь вопрос времени. И 30 млн. долларов ни в коей мере не в состоянии изменить обстановку, а могут лишь оттянуть развязку на некоторое, к тому же весьма короткое время. Можно было не формулировать рекомендации, они вытекали сами собой.

Как трудно было нам высказываться на этом совещании! Ведь мы всей душой и сердцем были на стороне чилийских коммунистов, социалистов и их союзников, которые пришли к власти не путем заговора и переворота, не в результате вторжения Советской Армии, а в результате демократических выборов, волеизъявления чилийского народа. А Соединенные Штаты организовали, как теперь досконально известно, настоящую травлю чилийского правительства и повели самую активную работу по подготовке военного переворота. Сальвадор Альенде наивно думал, что можно противостоять этому напору, не выходя из конституционных рамок. Рок обреченности повис над демократическим правительством Чили.

Подобные обсуждения, результаты которых совсем не вписывались в идеологически запрограммированную концепцию, убедили всех нас в необходимости тщательно готовиться к ним, заранее формулировать свое видение проблем и их возможных решений. Стало ясно, что спрос с управления будет иной.

Профессиональная свобода восторжествовала в информационно-аналитическом управлении раньше, чем в целом в разведке и тем более в КГБ. Это были свобода мышления и выработки предложений и демократия в методах изложения результатов своего анализа и синтеза.

Огромную помощь нам оказал В. А. Крючков, ставший к тому времени начальником разведки. Во-первых, ему принадлежит формула: «Информационная работа в разведке — это профессия». При его поддержке была радикально изменена кадровая политика по формированию штатов управления. На работу сюда больше не принимались «отходы» оперативной деятельности. Мы делали исключение только для двух категорий: либо высланные как персона нон грата активные разведчики, либо те, кто по семейным обстоятельствам не мог длительное время находиться за границей. Главными критериями все больше становились интеллектуальный потенциал, знание страны, региона, международной проблематики. Косная традиционная система подбора кадров не могла нам дать свежие силы. Мы создали свой собственный кадровый аппарат из состава знающих аналитиков, понимающих, какое качество людского материала нам нужно. Они, преодолевая сопротивление своих же чиновников от кадровой работы, знакомились с выпускниками МГИМО, Института иностранных языков, Военного института, МГУ. Удалось подобрать первых 50–60 молодых людей, толковых, грамотных, рвущихся к знаниям. Преодолевая немало искусственных барьеров, мы зачислили их на работу в управление без прохождения курса разведшколы. К примеру, запрещалось брать на работу в разведку людей, носящих очки (?!). Может быть,

это оправдано, когда речь идет о работе «в поле», хотя оттуда не гонят людей, когда они по возрастным причинам в 40–50 лет надевают очки. А применительно к информационно-аналитической работе это было просто нелепостью. Кто виноват, что среди наиболее начитанных, эрудированных, способных к анализу людей больше всего очкариков?

С помощью Крючкова мы «открылись» миру. Доселе ни один из разведчиков не смел выступать за стенами КГБ в качестве сотрудника Первого главного управления. Бывало, широко общаясь за рубежом с коллегами-дипломатами, работниками торгпредств, журналистами, военными, мы не виделись и не встречались с ними, работая в СССР. А если и встречались, то опять тянули свою легенду о принадлежности к некоему другому ведомству, хотя ясно понимали, что наши коллеги давно и твердо знают о нашей ведомственной принадлежности. Теперь сотрудники информационно-аналитического управления открыто участвовали в научных конференциях, симпозиумах, «круглых столах» (тогда на них началась мода), устанавливали контакты по интересам в институтах Академии наук, общались с коллегами-страноведами в МИД. Теперь это было разрешено. Более того, в управлении стало правилом, что наиболее сильные аналитики могли не приходить на работу в штаб-квартиру в «Ясенево» один раз в неделю, посвятив это время своим встречам и контактам в городе. Мне удалось тогда познакомиться с академиками Н. Н. Иноземцевым, Г. А. Арбатовым, будущим академиком Б. М. Примаковым³ и многими другими, кто занимался международной проблематикой. Мы стали различать все запахи общесоюзной кухни, где «вываривались» оценки и предложения по внешней политике.

Бывшая разведшкола № 101 теперь была повышена в статусе до Краснознаменного института и также вовлечена в процесс наших реформ. Там была создана специальная кафедра информационно-аналитической работы, кадры которой были укомплектованы на первое время специалистами нашего управления. Все первоначальные учебные пособия были в спешном порядке подготовлены также в управлении. Пройдет время, и мы напишем учебник по информационно-аналитической работе. Нам нужны профессионалы, и мы начинаем готовить их в меру наших способностей. Для новичков, пришедших непосредственно в управление, будут организованы курсы из полутора десятков лекций, которые прочтет руководящий состав управления в рабочее время, в перерывах между выполнением практических καθηдневных заданий.

Узнав о том, что управление научно-технической разведки, всегда сильно зараженное «хуторскими», сепаратистскими на-

строениями, тихой сапой начинает создавать при себе научно-исследовательский институт по обработке открытых и полужакрытых материалов, мы ввязываемся в борьбу за то, чтобы такой институт носил общеразведывательный характер и обслуживал все ее направления. В конце концов удалось добиться этого, правда, потеряв какое-то время.

Постепенно появляются первые результаты. Мы их чувствуем в возросшем уважении, которое стали оказывать нам оперативные отделы. Мы охотно принимаем на стажировку их сотрудников, присылаем им на апробацию всю аналитическую продукцию, касающуюся их зоны ответственности, даем оценки работы их «источников» и целых резидентур. Начальник разведки по-прежнему поддерживает нас. В ходе работы расширенных советов разведки, когда отчитывался руководитель подразделения или приехавший из-за рубежа резидент крупной точки, первое слово после самого отчитывающегося предоставлялось постоянно руководителю информационно-аналитического управления. Он мог задать тон всему обсуждению. Естественно, это придавало особый вес, но и налагало немалую ответственность на выступающего.

Признание полезности нашей работы иногда проявлялось в том, что резиденты стали обращаться с просьбами прислать к ним на постоянную работу специалиста управления. Мы с удовольствием это делали, когда речь шла о крупных точках с большим объемом информационной работы.

С годами информационно-аналитическое управление превратилось в одно из самых гибких и продуктивных подразделений разведки. Оно работало в круглосуточном режиме, непрерывно вело обработку поступающих материалов, было в состоянии в кратчайший срок мобилизовать любую группу для «мозгового штурма» внезапно возникшей проблемы. Сотни разных запросов ежедневно поступали в управление, и мне кажется, что мы оптимально удовлетворяли ожидания заказчиков. Но в силу атавистичности мышления, из-за низкой продуктивности оперработников «в поле» количественные параметры нашего управления оставались скромными. Если в ЦРУ соотношение между добывающими информацию работниками и информационно-аналитическими сотрудниками составляет 1:1, то в нашей разведке это соотношение едва равнялось 10:1.

Помнится, что когда во второй половине 70-х годов специальная сенатская комиссия обследовала ЦРУ, то она в своем заключении записала, что слишком много средств и людей занято добычей информации и недостаточно поставлена аналитическая работа. И это при соотношении 1:1! А у нас этот перекося, выходит, был в десять раз больше.

Наша система информационного обслуживания советского руководства по вопросам внешней политики была безнадежно устаревшей. Существовали четыре основных потока информации: один шел из МИД, второй — из КГБ (в основном материалы разведки), третий — из Минобороны (военная разведка) и четвертый — из отделов ЦК, где существовали международный отдел, ведавший вопросами, связанными так или иначе с капиталистическим миром, и просто отдел ЦК, ориентированный на работу с соцстранами. Никакого четко определенного разделения труда между этими ведомствами не существовало. Если к МИД в этом отношении претензии были вполне определенные — послы обязаны следить за всеми процессами, то информация КГБ могла касаться как внешней политики, так и внутренней — экономических, социальных, идеологических и иных вопросов. Нередко резиденты разведки вторгались и в военно-стратегическую сферу, в вопросы строительства вооруженных сил иностранных государств, освещали не только политическую, но и военную сторону международных конфликтов. Одним словом, их информация становилась все шире по своей тематике, а сами задачи разведки превращались в необъятные.

Наши военные коллеги не оставались в долгу. Продолжая заниматься своими прямыми профессиональными темами, они тем не менее все больше увлекались общеполитическими проблемами, к освещению которых были менее подготовлены. Иногда это приводило к тому, что обе разведки начинали соревноваться не в качестве освещения той или иной проблемы, а в быстроте передачи первого сообщения о ней наверх. Создавалась вызывавшая горькую улыбку ситуация, при которой обе разведки вели себя как Добчинский и Бобчинский из гоголевского «Ревизора», каждый из которых оспаривал право быть первым, кто обнаружил «ревизора».

МИД, КГБ и ГРУ получали главный поток своей информации в виде шифртелеграмм. Весь массив телеграмм, поступавших из зарубежных представительств, предварительно просеивался в МИД секретариатом министра, в КГБ — информационно-аналитическим управлением, в ГРУ — соответствующим рабочим аппаратом и затем шел в общий отдел ЦК КПСС, откуда он и направлялся адресатам. Время, необходимое для получения информации конечным потребителем от «источника» (посольства, резидентуры), иногда составляло два дня. Доставка секретной информации от ведомств в ЦК и пересылка ее между ведомствами осуществлялись специальной фельдъегерской службой, сохранившейся с XVIII–XIX веков. Документацию перевозили в кожаных

портфелях младшие офицеры, обычно в звании лейтенанта. Все отличие от их исторических предшественников заключалось, в том, что они ездили не верхом, а в черной «Волге» и на боку висел не кремневый пистолет, а последняя модель «Макарова».

Информационные телеграммы готовились по принципу вольного творчества. Как правило, они оставляли удручающее впечатление обилием слов и скудостью мыслей. Нередко в них содержались и льстивые протокольные реверансы в сторону вероятных адресатов. Особенно этим грешили послы: ведь на их телеграммах была их собственная подпись, и так хотелось, чтобы их заметили, а еще лучше — отметили. Нередко приходили «простыни» по 10–15 страниц, из которых практически важная информация занимала от силы одну-две страницы. Резиденты обеих разведок были сдержаннее. Во-первых, их постоянно одергивали из центра, призывая к краткости; во-вторых, их телеграммы рассылались без указания фамилии подготовившего, а в-третьих, у них было все-таки поменьше политических амбиций.

Объемы поступающей ежедневно на доклад руководству внешнеполитической информации становились огромными, где-то не менее 300–400 страниц. Могу судить об этом лишь потому, что вся поступающая в адрес Ю. В. Андропова как члена политбюро ЦК КПСС внешнеполитическая информация направлялась в копии и к нам, в информационно-аналитическое управление, с тем чтобы мы лучше ориентировались в обстановке и, главное, чтобы не дублировали, не давали то, что уже известно.

Не только переварить, но даже просто прочитать такой объем нашим геронтократам было явно не под силу. Сначала из аппарата Брежнева последовала команда печатать все информационные материалы, направляемые в политбюро, самым крупным шрифтом. Все тексты стали набираться только заглавными буквами. Дело кончилось тем, что телеграфную информацию перелопачивали помощники и они же нередко устно пересказывали ее содержание своим шефам.

Все фильтрующие этапы, вплоть до помощников, были озабочены тем, чтобы на глаза шефов не попала тревожная, критическая информация. Ее подавали в подслащенном, прилаженном виде, где все шипы были загодя срезаны.

Точно так же, как бояре и вельможи в старое время боролись за право быть поближе к уху царя-батюшки, министры, руководившие ведомствами, ни в какую не соглашались на изменение установленного порядка информирования правительства. В соответствии с этим «порядком» единственным адресатом всех бесчисленных телеграмм и записок был первый руководитель партии

и государства. Каждый ревниво оберегал неприкосновенность своего права на доступ к уху генерального секретаря.

У некоторых государственных чиновников, имевших прямое отношение к информационным делам, особенно у разведчиков, знакомых с их организацией в западных странах, время от времени возникали проекты создания у нас государственного органа наподобие Совета национальной безопасности США, который бы осуществлял координацию работы ведомств и способствовал выработке разумной системы доклада информации главе государства. Но таким проектам не давали хода.

В СССР еще в конце 40-х — начале 50-х годов при Сталине была предпринята попытка объединить все потоки информации в один пучок. Тогда был создан Комитет информации во главе с В. М. Молотовым. Ему были подчинены все информационные службы разведки и ГРУ за границей. Комитет и его руководитель, разумеется, получали огромное влияние в государстве. Это могло напугать Сталина и совершенно не устраивало пострадавших вельмож — министра обороны и шефа КГБ. Вскоре все вернулось на круги своя, и снова в информации начались хаос и беспорядок.

Кроме шифртелеграмм внешнеполитические ведомства использовали для информирования руководства так называемые «записки». (Само название унаследовано от царских времен.) Ими широко пользовались во времена всех советских администраций. Обычно это был четырех-пятистраничный обзорный или аналитический документ, посвященный одной теме, одному вопросу. Иногда он содержал рекомендации или хотя бы соображения относительно наших действий. «Записки», как правило, подписывались руководителем ведомства — министром, директором исследовательского института и т. д. В постановке вопроса, в информационном освещении темы, в рекомендациях нередко просматривался интерес ведомства. Видимо, поэтому в последние годы существования СССР получила развитие практика составления коллективных «записок» по комплексным вопросам международного положения, таким, как разоружение, гуманитарные проблемы и т. д. Подготовка таких «записок» шла трудно, занимала уйму времени на согласование, сбор виз, подписей. Стоило одному министру заупрячиться — и вся работа останавливалась на неопределенный срок. Чтобы выйти из тупика, исполнители искали и часто находили «взаимоприемлемые» формулировки, но документ выходилась и становился просто ненужным. А указание руководства надо было выполнять, и «записка» появлялась на свет, чтобы тут же, по получении регистрационного номера, сгинуть в архивах общего отдела ЦК.

Разведка очень часто пользовалась «записками» как самостоятельной формой информационного документа. Наши «записки» были короткими — три-четыре страницы, в них проблема подавалась в комплексе мировых событий с отражением ее динамики, эволюции. Мы привыкли к тому, что любой вопрос надо подавать как бы заново, максимально полно и сжато. Наши записки встречали неплохой прием. Вскоре наш опыт переняли военные, которые до середины 70-х годов не решались выступать с внешнеполитическими «записками». Но отделы ЦК откровенно злоупотребляли всеми нормами делопроизводства. Приходилось видеть «записки» объемом 50–60 страниц, посвященные таким темам, как «Отклики в международном коммунистическом и рабочем движении на (очередной) съезд партии», или реакция на пленум, или просто выступления генерального секретаря. Темы подбирались так, чтобы ласкать слух.

Одним словом, информации накапливалось горы, немало было дублирования и противоречий, регулярно что-то подкрашивалось розовым флером оптимизма, скрывая нарастающие трудности. Когда же ситуация выходила из-под контроля, и шифртелеграммы, и «записки» внезапно приобретали панический тон.

Андропов, Крючков отдавали себе полный отчет о состоянии информационного дела в стране, но у них не было ни сил, ни возможности что-либо изменить. В один из приездов Андропова в разведку на обсуждение был поставлен вопрос о создании центра по обработке иностранной печати и материалов зарубежного радио и телевидения. Наши министерства и ведомства выписывали громадное количество иностранной периодики, тратили валюту, но всего лишь кое-как просматривали полученные материалы, а потом издания расходились по рукам или оседали в библиотеках. Мы предложили создать один общесоюзный центр, который бы препарировал, ведя досье по широкому рубрикатору, всю прессу, налажил ксерокопирование материалов и удовлетворял все заинтересованные ведомства. Андропов, помнится, повел плечами, как будто ему стало вдруг зябко, и сказал: «Нет, ничего не получится, давайте решать эту проблему в рамках нашего ведомства».

Вся огромная страна на глазах расщеплялась на удельные владения — ведомства, и они имели только свои местнические интересы. СССР становился чем-то вроде апельсина, который снаружи походил на красивый монолит, а сними кожуру — и предстал перед глазами в виде долек, каждая из них была либо ведомством, либо союзной республикой. Процесс расщепления начался давно, но особенно ускорился при администрации Л. И. Брежнева и, в частности, после перенесенного им в 1975 году инфаркта.

Вообще этот год по многим признакам можно считать кульминационной точкой развития советского государства, известного под названием СССР, после которой практически началось неуклонное движение вниз, завершившееся в конце 1991 года распадом. 16 последних лет длилась агония нашего «исторического произведения».

Политбюро ЦК КПСС потеряло роль совещательного органа при единовластном вожде, как это было при Сталине и какое-то время при Хрущеве. При Брежневe оно превратилось в классический олигархический орган, каждый член которого все больше заботился о своих интересах. Даже персональный состав политбюро свидетельствовал о деградации государства. В него входили чисто партийные функционеры типа Суслова, Гришина, министры, возглавлявшие политические ведомства, — Громыко, Андропов, Устинов, руководители республиканских партийных организаций вроде Щербицкого, Кунаева и др. В высшем руководящем органе страны не было почти никого, кто отвечал бы за основу основ — экономику государства. В состав политбюро входил по должности Председатель Совета Министров СССР, и все! Там не было руководителя Госплана, представителей промышленности, сельского хозяйства. В политбюро заседали те, кто тратил деньги, но не было тех, кто должен их зарабатывать. Руководство поворачивалось спиной к экономике страны. Ее перепоручали секретарям ЦК, а те, в свою очередь, норовили ускользнуть.

Упорное нежелание видеть объективную обстановку в стране сказалось на отношении к информации вообще. Никто в реальности не хотел внедрения современных информационных систем, ибо культура их использования связана с необходимостью введения в банки данных точных, проверенных, четко сформулированных сведений. Современная информатика не позволяет давать произвольные оценки действительности, то есть лгать. Объективная информация вынуждает руководителя принимать вполне определенное решение, не оставляет места для волюнтаризма, отказаться от которого советские и российские руководители никак не могли. Оттого-то и часты формулировки в наших правительственных бумагах типа «поручить Министерству финансов изыскать необходимые средства...». На практике это означает, что средств нет, но кому-то хочется, чтобы они были, и их найдут, сделав очередное насилие над экономикой, над здравым смыслом.

В катастрофическом отставании информатики в целом в СССР повинна не только наша технологическая ущербность, ее можно было преодолеть, как это видно на примере военно-промышленного комплекса. Главное, что отбрасывало информационное обслу-

живание правительства назад, состояло в отсутствии реального интереса у тогдашнего руководства страны, предпочитавшего ограничиваться общими оценками, которые передавались по телефону или во время совещаний. Но тогда информация может быть радикально искажена. Эти явления известны давно. Они назывались «лакировка действительности», «очковтирательство», «замазывание недостатков» и пр. (Видимо, руководству так жить было удобнее.)

Что касается информационно-аналитической работы конкретно в разведке, то у нас существовало правило — нести честно свою профессиональную службу. Андропов напутствовал нас: «Никогда не пишите неправду! Я не заставляю вас подделываться под ранее данные оценки».

В декабре 1993 года информационно-аналитическое управление внешней разведки отмечало 50 лет своего существования. Оно было создано, когда обозначился перелом в военных действиях в Великую Отечественную войну и на горизонте замаячил выход СССР на широкую мировую арену в качестве великой державы. Из этих 50-ти мне довелось 11 лет (с 1973 по 1984 г.) быть ее руководителем, и могу с чистой совестью сказать, что ни разу мы не давали информацию по принципу «чего изволите». В жуткие застойные времена, когда было стыдно за государство, за ее полуживых руководителей, за нараставший маразм, мы честно несли свою службу, не лгали.

Работа над основными аналитическими документами, устные «мозговые штурмы» велись обычно коллективно. С самого начала было установлено, что при анализе проблем участники перестают делиться на начальников и исполнителей. Весомость высказанного мнения зависит не от должностного положения, а от новизны, неординарности, глубины аргументации. В такой обстановке поддакивание, послушничество, безропотное соглашательство становились заметными и вызывали отторжение со стороны коллектива.

Мы быстро научились полагаться на свои силы. Пришлось с сожалением убедиться в том, что состояние нашей страноведческой академической науки безрадостно и рассчитывать на ее помощь в наших аналитических разработках практически бесполезно. Институты были слабо обеспечены информационными материалами, особенно в той части, которая касалась текущей политики государств. Чувствовалась их оторванность от прямых политических задач. Сами результаты проводившихся исследований редко поступали к высшему партийному и государственному руководству, а стать достоянием общественности им мешали цензурная сетка и вечная нехватка бумаги, типографских мощностей

(академические работы, увидевшие свет, можно было пересчитать по пальцам). Руководители институтов активно втягивались в политиканскую возню, искали своих покровителей в высших сферах, участвовали в подготовке партийных и иных отчетных или программных документов, но действовали скорее как исполнители, нежели как представители авторитетной, независимой науки. Они были «перьями» в большей степени, чем «головами». Очень много сил академики тратили на получение званий, на фракционную борьбу в своей среде.

В 1974 году в беседе с одним из ведущих сотрудников Института США и Канады я пожаловался на то, что СССР осуществляет в США бесприцельную пропаганду, выбрасывая огромные суммы. Рассказывал ему, что, когда в Мексике в 1968 году проводились Олимпийские игры, советское посольство в Вашингтоне, даже не уведомив предварительно меня, в то время представителя агентства печати «Новости» в Мехико, прислало несколько грузовиков с нереализованными, невостребованными номерами издававшегося в США журнала «Совет лайф» для бесплатного распространения среди гостей Олимпиады. Десятки тонн пропагандистских журналов, полиграфически выполненных превосходно — на лучших сортах мелованной бумаги, стали практически макулатурой и были списаны, уничтожены. Я предложил провести исследование американского общества с точки зрения его реакции на наши пропагандистские усилия и по результатам исследования поставить вопрос об изменении содержания и форм пропаганды. Куда там! Из путаного потока слов моего собеседника я понял, что институт этого сделать не в состоянии и заниматься этим не будет.

С директором этого института Г. А. Арбатовым у меня состоялся единственный, но памятный для меня разговор. В один из летних дней 1978 года я поехал к Арбатову по прямому указанию В. А. Крючкова для обсуждения проекта под девизом «Северное сияние», за который тогда активно ратовал академик. Проект предусматривал постройку крупного газопровода из Западной Сибири до Архангельска, а то и до Мурманска. В этих городах-портах предполагалось соорудить заводы по сжижению газа, а затем продукцию отправлять на специальных танкерах в США. Американцы изъявляли готовность выделить под этот проект необходимые средства, которые оплачивались бы поставками жидкого газа. Арбатов исходил из того, что газа в СССР «практически неограниченное количество», а сейчас надо получить валюту для страны.

В разведке существовало убеждение, что торговля невозобновляемыми ресурсами, особенно энергоносителями, является непо-

зволительным мотовством, ставящим под угрозу экономическое будущее государства. Легкое сиюминутное получение валюты за счет благополучия завтрашних поколений россиян лишь ослабляет поиски других, более надежных и стабильных путей оздоровления внешней торговли. Перед глазами стоял пример самих США, стремящихся сохранить каждую тонну своих природных ресурсов и предпочитающих наращивать импорт нефти из-за рубежа. К тому же вырученная валюта в СССР не шла на коренную реорганизацию промышленности, на развитие науки и техники, на подготовку рывка в развитии экономики, деньги-то преимущественно тратились на покупку устарелого оборудования, годами гнившего на открытых площадках, да на оплату ежегодного импорта зерна.

Большинство экспертов из министерств геологии, нефтяной и газовой промышленности, специалисты из Тюмени, с которыми мы связывались, были против проекта. Они доказывали, что в условиях агрессивной среды Севера основные сооружения планировавшегося газопровода должны были прийти в полную негодность как раз к тому времени, когда стоимость газопровода была бы оплачена поставками газа в США. Нам в наследство остались бы только разрушенная экология трассы, опасно изношенные трубы и компрессорные станции на грани остановки.

Вот эти доводы я высказал в беседе с академиком, который защищал противоположную точку зрения в поисках экономического наполнения политической разрядки в отношениях с США. Разговор кончился ничем, и больше деловых встреч у нас не было.

Более устойчивые и плодотворные контакты наладились с Институтом мировой экономики и международных отношений, особенно в тот период, когда руководил им академик Е. М. Примаков. Мы принимали участие во многих ситуационных анализах, научных конференциях, работали там рядом с военными коллегами, с практиками из других ведомств. Этот институт был более открыт для советских экспертов, там меньше чувствовалась неприязнь, настороженность в отношении сотрудников разведки. Обсуждения проблем носили более деловой и, можно сказать, демократический характер. Мы старались быть полезными, откровенно высказывая свою точку зрения, и сами приобретали бесценный опыт общения с научной общественностью.

К сожалению, не получили должного развития наши контакты с Институтом экономики мировой социалистической системы (директор О. Т. Богомолов⁴). Мы удовлетворились тем, что имели всю научную продукцию ученых института и тщательно сопоставляли их аргументы и предложения с собственными данными.

Если честно сказать, то расширению сотрудничества между разведкой и академической страноведческой наукой мешала принадлежность разведки к КГБ, от страха перед которым не могли отделаться очень многие. С нашей стороны иной раз проявлялась недооценка научного потенциала академических институтов, нас завораживало обилие имевшихся у нас информационных материалов, что порождало порой самонадеянность. Слава Богу, мы все-таки раньше других стали привлекать ученых к участию в контрактных разработках.

Сотрудничество с военными коллегами и с работниками Министерства иностранных дел было более продуктивным и полезным в силу конкретности и практичности обсуждавшихся вопросов. Степень взаимопонимания с военными товарищами была очень высока, особенно если речь шла о работниках Главного разведывательного управления. С мидовцами в Москве дело обстояло посложнее, контакты с ними были вежливыми, корректными, деловыми, но всегда чувствовался холодок от спрятанной в глубине наших взаимоотношений вечной мерзлоты. Заскорузлый страх перед КГБ, безотчетное опасение подвоха, видимо, с давних пор передавались из поколения в поколение дипломатических работников и отравляли атмосферу сотрудничества. Мешало работе с ними и то, что они были очень медлительны, неповоротливы. Сильная зацентрализованность, бюрократизм не позволяли рабочим звеньям высказываться по проблемам с такой же свободой, какой пользовались мы.

Обретенная открытость, насыщенность политической информацией дали нам необходимый кислород для активной аналитической работы. Чтобы ввести ее в четкое русло и подчинить практическим интересам государства, мы один раз в шесть месяцев составляли план, то есть перечень тем, по которым были готовы представить свои информационно-аналитические документы. План утверждался лично Ю. В. Андроповым и был обязателен к выполнению. Жизнь всегда богаче, чем ее предвидение даже на шесть месяцев вперед, и никто не мешал нам откликаться на все вновь возникающие ситуации.

